

Э. В. СЕВОРТЯН

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КАТЕГОРИЙ
ПЕРЕХОДНОСТИ И НЕПЕРЕХОДНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркском языкознании издавна существуют определенные положения, которые составляют основу учения о структуре тюркских языков и традиционно переходят от одного поколения тюркологов к другому. Некоторые из этих положений получили свое обоснование и научную формулировку, другие сохранились в качестве традиции, подтверждаемой и поддерживаемой живой языковой практикой. Можно было бы в этой связи вспомнить, например, известное положение о строгом и всестороннем разделении глагола и имени, идущее еще от XIX века и вновь сформулированное Ж. Дени в первом издании его грамматики: «Корень не может быть одновременно глагольным и именным, если не считать некоторых редких исключений»¹. Этот правильный взгляд на современное состояние глагола и имени начали переносить на древнейшие эпохи в жизни тюркских языков, и положение о строгом разделении имени и глагола приняло абсолютный, панхронический характер.

Подобно Ж. Дени, К. Грэнбек также отразил весьма распространенный в тюркологическом мире взгляд, когда вслед за Ж. Дени сформулировал положение о преобладающей роли имени в строе тюркских языков².

И даже когда исследователи встали перед фактами бесспорного совпадения целого ряда глагольных и именных корней или основ, наблюдаемого во всех тюркских языках, одни объявили это совпадение случайным³, другие объявили глагольный корень «чистым субстантивом»⁴, стремясь таким путем сохранить в неприкосновенности традиционный панхронический взгляд на основные элементы в строении тюркских языков. Правильное решение вопроса об историческом соотношении глагола и имени было дано в исследованиях советских тюркологов: была признана лексическая нерасчлененность этих категорий на определенной ступени их исторического развития⁵. Такое решение вопроса, естественно, означало отказ от традиционного представления об изначальном обособлении глагола от имени.

К традиционным положениям тюркологии относится также деление глаголов на переходные и непереходные и распространение этого воззрения на все исторические эпохи развития тюркских языков. В отличие от по-

¹ J. D e n y, Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli), Paris, 1920, § 128, стр. 101.

² K. G r ö n b e c h, Der türkische Sprachbau, Kopenhagen, 1936.

³ См., например, K. G r ö n b e c h, указ. соч., стр. 19.

⁴ См. W. B a n g, Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2 Stück — Über das Verbum *al-*«nehmen» als Hilfszeitwort, «Sitzungsberichte der K. Preuss. Akad. der Wiss.», Jg. 1916, Berlin, 1916, стр. 918.

⁵ См.: [Н. К. Д м и т р и е в], Глаголы речи (*verba dicendi*) [в языках тюркской группы], в кн.: Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева, Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе, М., 1952, стр. 205; Б. М. Ю н у с а л и е в, Развитие корневых слов в киргизском языке. Автореф. докт. диссерт., М., 1953; К. А х а н о в, Омонимы в казахском языке. Канд. диссерт., Алма-Ата, 1956 [на казахск. яз.].

ложения об изначальном раздельном состоянии глагола и имени, указанный взгляд на переходность и непереходность не получил в тюркском языкознании ни теоретического обоснования, ни научной формулировки, да и вопрос в целом специально, кажется, не ставился, если не считать попутных замечаний о переходных и непереходных глаголах в грамматических пособиях или специальных исследованиях, например, о залогах. Но в этих исследованиях не ставился (и по их задачам не мог ставиться) вопрос об историческом положении названных категорий в глагольной системе тюркских языков.

Между тем, чем более мы углубляемся в историю тюркских языков, тем неустойчивей становится граница между переходными и непереходными глаголами, тем более смутным и неопределенным становится само содержание этой грамматической категории, что выражается в числе прочих признаков в возрастании возможности употребления прямого дополнения, в частности, при глаголах движения; например, в памятнике в честь Тоньюкука: *Any subuq baralyım!* «Да отправимся мы по реке Аны!» (Малов, 62)¹. Первообразные глаголы во многих (если не во всех) случаях исторически не имели постоянного значения переходности или непереходности. Один и тот же глагол был переходным и непереходным, в зависимости от состава предложения². Современные глагольные корни (основы), прошедшие весьма длительный путь семантического и грамматического развития, освободились от этой двойственности и в своем громадном большинстве распределились на переходные и непереходные. Однако в ряде случаев один и тот же глагол в одних языках закрепился в переходном, в других языках в непереходном значении. В других случаях в некоторых глаголах сохранились как переходные, так и непереходные значения: ср. *toq-*

¹ В статье приняты следующие сокращения: Малов — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951; Вагиф — Молла Пэнхан Вагиф, Эсэрлери, Баки, 1937; Юдахин — К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940; Ар-фил. — П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, СПб., 1900; Хэтай — Хэтай, Дэннаме, Баки, 1946; Гр. алт. яз. — «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869; Ал-Замахшари — Н. Н. Поппе, Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, М.—Л., 1938; Р.—В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., 1893—1911; Будагов — Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1868—74; М. К а ş ғ а р. — [K a ş ғ a r l ı M a h m u d], Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941; Dizin — «Divan-i lûgat-it-türk dizini. Endeks», yazan Besim Atalay, Ankara, 1943; Ettuhfet — «Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-türkiyye», çeviren Besim Atalay, İstanbul, 1945; Seldsch. Verse — W. Radloff, Über alttürkische Dialekte, I — Die seldschukischen Verse im Rebâh-nâmeh, St.-Petersbourg, 1890; Bulgat. — A n a n i a s z Z a j a c z k o w s k i, Słownik arabsko-kipczacki z okresu Państwa Mameluckiego, cz. II, Warszawa, 1954; Caferoğlu — A h m e t C a f e r o ğ l u, Abû-Hayyân Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk, İstanbul, 1931; Turf. VIII — A. von G a b a i n, Türkische Turfan-Texte VIII («Abhandl. der Deutschen Akad. der Wiss. zu Berlin, Kl. für Spr., Lit. und Kunst», Jg. 1952, № 7), Berlin, 1954; Al-Qawanin — S. T e l e g d i, Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV Jhd., «Körösi Csoma-archivum», Ergänzungsband I, Hf. 3, 1937; La «Regola» — A l e s s i o B o m b a c i, La «Regola del parlare Turcho» di Filippo Argenti, Napoli, R. Istituto Superiore Orientale, 1938; Houtsma — M. Th. H o u t s m a, Ein türkisch-arabisches Glossar, Leiden, 1894; Battal — A p t u l l a h B a t t a l, İbnü-Mühennâ lûgati, İstanbul, 1934; Trakt. o lucz. — A n a n i a s z Z a j a c z k o w s k i, Mamelucko-turecka wersja arabskiego traktatu o lucznictwie z XIV w., «Ročník Orientalistyczny», t. XX, Warszawa, 1956; Müyessiret-ül-Ulûm — B e r g a m a l ı K a d r i, Müyessiret-ül-Ulûm (Muyassiratu'l-'Ulum), yayinliyan Besim Atalay, İstanbul, 1946; R., C. C. — W. R a d l o f f, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St.-Petersbourg, 1887.

Римская цифра при сокращениях в тексте обозначает том, арабская — страницу.

² Г. Рамstedт, кажется, был склонен рассматривать эту особенность тюркских глаголов в качестве живой нормы (см. об этом G. R a m s t e d t, Einführung in die alt-taische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 178).

«родить; родиться» (Малов, 431); *tol* «выполнять(ся)» (там же, 431); *ata-* «называть(ся)» (там же, 361) и т. п. Наконец, в отыменных глаголах (на *-ла-*, *-а-*, *-ы-*, *қа-*, *-қы-*, *-ар-*, *-қар-* и др.) нередко также обнаруживаются следы древней недифференцированности переходности-непереходности.

Вследствие разделения почти всей массы тюркских глаголов на переходные и непереходные языки тюркской группы не могут предоставить обширных материалов из области слитного состояния значения переходности-непереходности в древних глаголах.

Несколько слов о методике наших сравнений.

1. Поскольку переходность или непереходность входят в словарное значение глагола, для наших сравнений вполне достаточно ссылка на эти значения глаголов. В тюркских языках дело обстоит точно так же, как и в русском, где не требуется доказывать при помощи контекста и словоупотребления, например, переходность глагола *видеть* [кого, что] или непереходность глагола *сиять*.

2. Так как во всех тюркских языках форма взаимно-совместного залога (а в некоторых языках — и возвратного залога) не меняет значений переходности или непереходности глагола, то мы вправе, опираясь, например, на туркменский глагол *өлүшмек* «убивать друг друга», восстановить для первообразного глагола *өлмек* значение «убивать». В то же время во всех тюркских языках, в том числе и туркменском, *өлмек* означает «умирать». Из этого сопоставления можно заключить, что в туркменском *өлмек* исторически имел как непереходное, так и переходное значения.

3. Если в каком-либо тюркском языке сохранился страдательный глагол со свойственным ему пассивным значением, то это означает, что исторически существовал также исходный для этой залоговой формы глагол с переходным значением, от которого и был произведен страдательный глагол. Например, если в современном азербайджанском языке имеется глагол *лахланмаг* «быть расшатанным», то это значит, что необходимо признать и историческую реальность глагола *лахламаг* с переходным значением * «расшатывать», хотя в современном языке названный глагол имеет лишь непереходное значение «шататься, болтаться». Сопоставляя эти данные, мы восстанавливаем для глагола *лахламаг* переходное и непереходное значения, которые были ему свойственны в древности.

4. Если понудительная форма сохранила значения, которые в настоящее время несвойственны исходному для нее глаголу, то мы вправе восстановить недостающие значения исходного глагола. Например, если в понудительной форме *ийләтмәк* (азерб.) сохранились значения «проштывать, наполнять запахом, делать пахучим, душистым», а в исходном глаголе *ийләмәк* сохранилось лишь одно переходное значение «нюхать», то мы вправе восстановить здесь еще значения «пахнуть, издавать запах».

*

Перейдем к обзору имеющихся у нас фактов, начав с примеров из азербайджанского языка¹.

ач- в современном азербайджанском языке означает «1) открывать, отпирать, отворять; 2) раскрывать, обнажать» и т. п. Однако наряду с этими переходными значениями в азербайджанском, как и в турецком, сохра-

¹ В статье использованы национально-русские словари или глоссарии по азербайджанскому (под ред. Г. Гуссейнова), киргизскому (К. К. Юдахина), туркменскому (Ш. Батырова и Г. И. Карпова), турецкому (Д. А. Магазаника), гагаузскому (В. Мошкова), узбекскому (А. К. Боровкова и Т. Н. Кары-Ниязова), казахскому (Х. Махмудова и Г. Мусабаева), татарскому (Р. Газизова и других), хакасскому (Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул), тувинскому (под ред. А. А. Пальм-баев), якутскому (И. Н. Попова), чувашскому (В. Г. Егорова) языкам.

нились и отдельные непереходные значения «распускаться, расцветать», например, *жул ачыб* «роза распустилась» и *чичэк ач* «распускаться цветам» [ср. у Вагифа (91): *Эй Гарабазын ени ачмыш, жули- пакизеси...* «О, только что распутившаяся изыщная роза Карабаха...»]; идиоматический глагол *дил ач* «заговорить; стать разговорчивым» (дословно: «раскрыться устами») и т. п.;

буруш- «покрываться морщинами, морщиться, съеживаться, измяться; терять свежесть (о фруктах)»¹. Как видно из приведенных значений, глагол *буруш*- относится к непереходным. Однако Л. Будагов (I, 227) приводит тот же глагол *бурушмек* и отождествляемый с ним *бурушмақ* с переходным значением «собирать сборы, делать фалды, стягивать и пр.»;

гарыш- «смешиваться, вмешиваться». О вторичном характере данного глагола свидетельствуют формы *қар*- «войти, вмешиваться» (Р., II, 132) и *қары*- «мешаться» (там же, II, 168 — в обоих случаях с ссылкой на османск.), а также *kari*- «вмешиваться, смешиваться» (Ettuhfet., 185) и *қарыл*- «смешиваться» (Seldsch. Verse, 43). Все эти формы, в том числе исходный для них глагол *қар*- и его «распространенная» разновидность *қары*-, имеют непереходное значение, которое отмечается также в туркменском *гарыш*-, в словаре Махмуда Кашгарского и в других источниках. Однако в ряде языков исходный глагол имеет, наоборот, переходное значение, как, например, в том же туркменском — «мешать, смешивать», в узбекском (*қор*-), кроме того, — «примешивать; замешивать», в Bulgat. (II, 66) — «mieszat', wymieszat'»; Абу-Хайян (Саferoğlu, 70) также отмечает переходные значения для этого глагола. В словаре Махмуда Кашгарского представлены как переходные, так и непереходные значения исследуемого глагола: «смешивать одно с другим; примешивать, добавлять; задержаться воде в горле; застаиваться воде; разливаться, выходить из берегов» (Dizin, 265; I, 432; II, 197; III, 182). О глаголе *қар*- в переходном значении Махмуд Кашгарский (I, 432) замечает: «Огузы, смешивая одно с другим, употребляют (глагол) *kardi*, а основной (глагол) опускают». Под основным глаголом Махмуд Кашгарский имеет в виду *қат*-, с которым *қар*- употребляется в памятнике в парном виде *қат*- — *қар*- (например, *katti, kardi* «он добавил» — I, 432);

дэйиш- имеет как переходные, так и непереходные значения: «1) менять, обменять, переменить; 2) обменяться; в турецком, кроме того, — «меняться, видоизменяться; сменить белье» (от последнего значения происходит азерб. *дэйишэк* «белье»). В гагаузском языке *дйш*- имеет лишь переходное значение «менять, переменить»;

доғ- имеет в азербайджанском как переходные, так и непереходные значения: «рождать, родить» и «возникнуть, зарождаться», переносное «восходить» (о небесных светилах); в более старом употреблении *доғ*- означало также «родиться», например: *Нэжвэл доғубсан анадан, пэри!* (Вагиф, 14) «Какой ты красивой родилась, пери!». Переходное и одновременно непереходное значения этот глагол имеет в казахском [*ту*- «1) родить; 2) восходить» (о солнце)] и киргизском языках [*туу*- «1) родить; 2) родиться, нарождаться; 3) восходить» (о солнце)], а также в Turf. VIII (100 — «рождать; родиться»). Непереходное значение имеет этот глагол в туркменском [*доғ*- «1) рождаться; 2) восходить» (о солнце и пр.)], турецком (*doğ*- с теми же значениями), татарском (*ту*- «рождаться» и прочие значения этого типа) и хакасском языках [*ту*- «1) телиться; 2) нестись» (о птицах)], а также в Ettuhfet. и Seldsch. Verse (52) («рождаться»). Только переходное значение закрепилось за этим глаголом в узбекском языке (*ту*- «рожать, рождать»);

¹ Последнее значение связано причинным отношением с предыдущими значениями в частном применении к плодам: «терять свежесть» и как результат «морщиться»

эрин- «быть расплавленным, растопленным» (отсюда *эринмиш* «растопленный, расплавленный, топленный»). Исходный же глагол *эри-* в современном азербайджанском языке имеет непереходное значение «таять, плавиться, растопиться, раствориться». Таким образом, страдательное значение *эрин-* дает нам право восстановить для начального *эри-* также переходное значение «плавить, растапливать» и т. п., в справедливости чего нас окончательно убеждает чувашская параллель этого глагола — *ир-* «разминать; растворять, размешивать» и производный от него *ирел-* с непереходными значениями «1) таять, растворяться; 2) расплавляться; 3) развариваться»;

инчи- с медиальным значением «обижаться, мучиться, томиться». Производный от него *инчин-* имеет медиально-страдательные значения «быть обиженным, обеспокоенным; обидеться, обеспокоиться», поэтому для *инчи-* исторически может быть допущено также переходное значение «обижать, мучить»;

сеп- (из *сэри-*) имеет переходные — «1) сеять, засевать (зерна); 2) брызгать (воду)» — и непереходные значения — «показаться, появляться сыши, прыщам». Внешне эти значения как будто не связаны между собой, но на самом деле семантически однородны, поскольку непереходные значения являются метафорическими, происходящими от значения «высыпаться». Из этого следует, что глагол *сеп-* исторически должен был иметь как переходные, так и непереходные значения. В других тюркских языках глагол *сэри-* имеет переходное значение. Например, в турецком *serp-*, обладая теми же переходными значениями, что и в азербайджанском, кроме того, означает «моросить; разбрасывать, раздавать»; в некоторых же выражениях, например, *saçlarına kir serpmis* «волосы его начали сесть» (дословно: «на его волосы высшалась седина»), этот глагол имеет непереходное значение, что подтверждает сказанное о первоначальной двойственности значения азерб. *сеп-*;

төрә- «возникать, создаваться; происходить, размножаться, плодиться, случиться, появляться на свет»; те же значения свойственны турецк. *türe-*. Судя по медиальной форме *төрән-* «создаваться, произойти, размножаться, появляться, случаться», следовало бы исторически допустить у исходного глагола (*төрә-*) наряду с непереходными значениями также и переходные — «создавать, творить», которые мы находим в других языках, например, *törü-* «рождать» (Малов, 433 — со ссылкой на «Сутру „Золотого блеска“»);

һоп- с непереходным значением «просачиваться» и производный от него *һондур-* с переходным значением «впитывать». Сравнение с производной медиальной формой *һопул-* «впитываться» позволяет восстановить в глаголе *һоп-* также переходное значение;

чэк- имеет переходные и непереходные значения. К переходным относятся «1) втянуть, втягивать, натягивать; притащить; 2) привлечь; 3) отрывать, отводить; 4) перегонять; 5) вести; 6) выдернуть; 7) пожать; 8) гладить (утюгом); 9) взвешивать; 10) курить; 11) чувствовать, испытывать»; к непереходным относятся «1) тянуться, продолжаться; 2) походить на кого душевными свойствами, уродиться в кого». Основными значениями данного глагола являются «тянуть» и «тянуться», все же остальные — производные, к ним относятся и метафорические. Приблизительно такова же система значений этого глагола и в других языках юго-западной группы, причем наибольшие отклонения проявляются в области непереходных значений. Например, в турецк. *çek-* «удалиться» связь с исходным значением «тянуть» хотя в общем и ясна, но более отдаленна.

Аналогичную картину дают и факты других тюркских языков.

М. Кашгарский отмечает: *ari*- «чистить» и «быть чистым» (Dizin, 32). Ср. там же *arit*- «чистить».

Во многих тюркских языках *art*- имеет значения «увеличиваться, возрастать (в количестве)» [в частности, Л. Будагов (I, 25) отмечает значения «прибавляться, прибывать, превышать, излишествовать»]. В киргизском же этот глагол наряду с указанными непереходными значениями имеет также переходное значение «навьючивать» (Юдахин, 49), переходное значение «прибавлять, увеличивать» отмечал у этого глагола Ибн-Муханна (Ар.-фил., 066); в хакасском языке имеется *артын*- «навьючивать на себя»; туркм. *ac*- наряду с переходными значениями — «вешать, повесить, привешивать» — имеет также и непереходное — «привешиваться»;

хакасск. *ac*- (= общетюркск. *am*-) среди многих своих значений позволяет выделить два полярных: переходное «превышать что-либо» и непереходное «повышаться, подниматься»;

турецк. *boz*- наряду со многими переходными значениями, например, «1) портить, повреждать, нарушать, расстраивать; 2) разрушать, сокрушать», сохранил также фразеологически ограниченное непереходное значение «портиться» (о погоде);

гагаузск. *bū*- имеет переходные значения — «задушить; утопить» и непереходное — «подавиться»;

киргизск. *but*- наряду с непереходным значением «кончаться, заканчиваться», известным во многих тюркских языках (в варианте *but*-), обладает также переходным значением — «кончать, заканчивать»¹. Переходное значение глагола *but*-/*but*- в большинстве тюркских языков не сохранилось; его можно найти, помимо киргизского, еще в некоторых древних языках, например, в языке «Кутадгу-билиг» («совершать» — Малов, 375);

Радов приводит *āñ*- (I, 710), *āk*- (I, 675), *āg*- (I, 694), *ie*- (I, 1425), а также *эй*-, *ий*- и др. с переходным значением «гнуть, сгибать», закрепившимся в громадном большинстве тюркских языков. Однако наряду с перечисленными он указывает также глагол *iñ*- в непереходном значении «согнуться» со ссылкой на барабинский (I, 1431);

в ряде языков (узбекском, казахском, хакасском и др.) *ил*- (см. также Р., I, 1473 — с ссылкой на многие языки) употребляется в переходном значении «прицеплять, зацеплять; повесить, привесить». Переходное значение этого глагола отмечается также в словаре Махмуда Кашгарского (см. Dizin, 230, где дан неверный турецкий перевод *ilişmek* «зацепиться» вместо *iliştirmek* «зацепить»), например, *tiken tonuğ ildi* «колючка зацепилась за одежду», дословно «...зацепила одежду» (*tonuğ* — винительный падеж; I, 169); такое же значение этот глагол в варианте *yil*- имеет и в Turf. VIII (103). Однако в туркменском языке глагол *ил*- сохранил непереходные значения — «1) прицепляться; 2) привязываться; 3) приставать к кому-нибудь; присоединяться»;

турецк. *irk*- имеет непереходное значение «скопляться, застаиваться», между тем как тот же глагол в словаре Махмуда Кашгарского дан с переходным значением «собирать, скоплять» (Dizin, 234), например, *er tavar irkti* «человек скопил добро» (III, 420). Одновременно в турецком языке имеется страдательно-медиальная форма *irkil*- с непереходным значением «скопляться», что полностью разъясняется приведенными данными словаря Махмуда Кашгарского [кстати, там также отмечается форма *irkil*- с тем же непереходным значением (Dizin, 235)];

во многих языках *йи*- имеет переходные значения «1) распространять;

¹ Приводимые в киргизско-русском словаре при глаголе *but*- значения «1) вырастать, произрастать; 2) зарождаться (во чреве); 3) возникать» относятся в действительности к другому, омонимичному глаголу.

обнародовать; 2) разостлать» и др. В словаре В. Радлова наряду с этим (II, 5—6) приводится также непереходное значение «распространяться» с примерами: *sözü jajzan* (алт.) «слова его распространились», *ady jajyn çyktı* «его слава распространилась» и т. д.;

казахск. *жар-* (= общетюркск. *яр-*) имеет наряду с переходным значением «расколоть, рассечь» фразеологически ограниченное непереходное значение «прорезаться» (о зубах), например, *баланың тісі жарып келеді* «у ребенка прорезаются зубки»;

Малов дает глагол *ir-* непереходным значением «доходить» и переходным значением «гнать, преследовать» (381 — с ссылкой на словарь Радлова и памятник в честь Тоньюкука);

казахск. *қақ-* имеет как переходное значение — «стучать» (например, *біреу есік қақып тур* «кто-то стучится в дверь»), так и непереходное — «биться» (о сердце); аналогично в тувинском: «бить (избивать)» и «биться (ударяться — о волнах)»;

чулымск. *кач-/кац-* «погонять»¹. В остальных тюркских языках, где имеется глагол *кач-*, последний имеет непереходное значение «бежать, убегать; бегать»;

гагаузск. *коп-* имеет переходные значения — «оторвать, оборвать» и непереходные — «рваться, разорваться (о веревке); проходить». В азербайджанском, турецком, татарском и некоторых других, где имеется глагол *коп-*, последний известен лишь в непереходных значениях «отрываться, сорваться; внезапно подняться, начаться» (в узбекском и киргизском — «подняться»). Таким образом, в гагаузском этот глагол сохранил древнюю нерасчлененность переходности-непереходности;

турецк. *sav-* имеет переходные значения — «1) гнать, прогонять, отгонять; 2) увольнять, отпускать, отсылать» и непереходные — «1) избавляться, отделяться, освобождаться; 2) проходить, прекращаться». В азербайджанском, как и в других тюркских языках, непереходные значения выражаются производной медиальной (взаимно-совместной) формой: *совуш-* «1) улизнуть, убегать; 2) оканчиваться, пропадать, миновать (сезону, беде); 3) расходиться (уходить многим)»; основной глагол *сов-* в литературном языке отсутствует;

турецк. *sat-* также имеет переходные значения — «1) бросать, кидать; 2) пускать; натравливать» и др. — и непереходные — «бросаться, набрасываться, обрушиваться, нападать»;

турецк. *sars-* «трясти, потрясать, сотрясать; пошатнуть, расшатать». В гагаузском языке этот глагол в «распространенном» виде (*сарса-*) имеет фразеологически ограниченное значение «трясти» (про верховую лошадь). В туркменском языке другая «распространенная» разновидность этой основы (*сарсы-*) имеет, наоборот, непереходное значение «трястись, сотрясаться, содрогаться, расшататься, пошатнуться»; глагол *сарсы-* с теми же значениями имеется также в азербайджанском языке. Можно считать, таким образом, что рассматриваемый глагол исторически имел как переходные, так и непереходные значения;

татарск. *сук-*, как и рассматривавшийся выше глагол *қақ-*, имеет наряду с переходным значением «ударять, стучать» также непереходное — «биться (о сердце)»;

казахск. *тарт-*, как и в других языках, имеет ряд переходных значений, среди которых основными и исходными являются «тянуть, тащить» и т. п. Кроме того, этот глагол в казахском имеет и некоторые непереходные значения, из них наибольшую близость к основному значению обнаружи-

¹ См. А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Уч. зап. [Томск. гос. пед. ин-та]», т. IX, 1952, стр. 130.

вает «двинуться, направиться», например, *олар қалаһа тике тартты* «они направились прямо в город». Более отдаленную семантическую связь с основным значением имеют непереходные значения этого глагола в хакасском языке — «убавляться, убывать (о воде); садиться (о материи); прекращаться (о поносе)»;

во всех тюркских языках *тат-*, *дад-* и т. д. имеет переходное значение «пробовать» и т. п. Те же значения имеет этот глагол и в татарском языке, где в то же время сохранились такие непереходные значения, как «отзываться, отдавать, иметь посторонний привкус, запах». Любопытно, что в узбекском языке основной глагол *тат-* имеет переходные значения «пробовать на вкус, отведать» и пр., а непереходные значения закрепились за его «распространенной» разновидностью *тати-* «приходиться по вкусу»;

татарск. *тин-*, как и в других языках, имеет переходное значение «пинать, лягать»; наряду с ними в татарском отмечаются также непереходные значения — «биться (о сердце)» и «выступать, проступать (о сыпи на теле)»;

во многих тюркских языках (турецком, узбекском, татарском, киргизском, казахском и других) *чап-* имеет непереходное значение «бежать, бежать карьером, скакать»; в турецком, где этот глагол относится к числу устаревших, — еще и «нападать, совершать набег, нападение». В тексте «Al-Qawanin» *çap-* употребляется в переходном значении «гнать, погонять» (308); это же значение имеется и в турецком. Таким образом, в турецком сохранилось как переходное значение «погонять», так и непереходное значение «бежать, скакать», на основании чего допустимо предположить наличие переходных и непереходных значений у этого глагола и в других тюркских языках в более ранние эпохи их существования;

турецк. *çat-* имеет переходное значение «складывать концом к концу», означая действие, исторически связанное с сооружением шатра, откуда разъясняется более обобщенное переходное значение «сооружать, строить»¹. В турецком сохранились, кроме того, непереходные значения глагола *çat-* — «сталкиваться, наткаться, стукаться, задевать, приставать»; таким образом, и в данном случае турецкий язык оказывается единственным живым свидетелем давно исчезнувшей из родственных ему языков нерасчлененности переходности и непереходности.

Нерасчлененность переходности-непереходности наблюдается также и в производных глаголах.

В глаголах, образованных при помощи аффикса *-ла-*: *отла-* означает «пасться». Наряду с этим имеется производный глагол *отлан-* «быть потравленным», что позволяет восстановить другое, переходное значение *отла-* — «потравить; пасти»;

Радлов (I, 34—35) дает *айла-* с переходными и непереходными значениями — «1) вертеть, окружать; 2) вращаться, сваливаться с обрыва» (со ссылкой на османский); 3) обращаться» (со ссылкой на уйгурский). В современном турецком языке глагол *айла-* устарел, однако еще недавно в словарях этот глагол отмечался с переходными и непереходными значениями «вертеть, вращать» и «вертеться, кружиться», а также «сваливаться»;

Радлов отмечает *äpkälä*² с переходным значением «ласкать, нежить, утешить, убаюкать» (со ссылкой на таранч., телеутск., алтайск., чагат.) и с непереходным — «быть изнеженным, избалованным, беспокоить родите-

¹ С этим же глаголоммы связываем этимологию существительного *чадыр* (форма аориста от глагола *чат-*) «шатер». Таким образом, мы склоняемся к тюркскому происхождению и иранского *çador* с тем же значением.

² Основа этого глагола — *äpkä* «1) излишне ласковое, нежное обращение, баловство; изнеженный; 2) любимый» (Р., I, 776).

лей» (со ссылкой на чагат.) (I, 779); для казахского¹ словарь дает непереходное значение «ласкаться, быть ласковым, быть любимым» (I, 780); турецк. *alçakla-* имеет как переходные значения «унижать, относиться с презрением, презирать», так и непереходные — «унижаться; делать низости; низко льстить»;

киргизск. *аякта-*² имеет переходное значение — «заканчивать» (например, *сөзүнү аякта* «заканчивай свое слово, свою речь») и непереходное — «кончаться, подходить к концу» (например, *иши муну менен аяктабайт* «дело этим не кончается»);

киргизск. *жытта-*³ имеет переходные значения «нюхать; ласкать; целовать» и непереходные — «пропахнуть, издавать запах».

В глаголах, образованных при помощи аффикса *-а-*:

киргизск. *бура-* имеет как переходное значение — «нюхать», так и непереходное — «пахнуть, издавать запах»;

киргизск. *кучо-* имеет непереходное значение «усиливаться, забрать силу», в словаре Махмуда Кашгарского (III, 259) указывается, кроме того, переходное значение — «совершать насилие»;

Радлов (II, 225—226) приводит *қала-* с переходным значением «сжигать, зажигать» (с ссылкой на казахск. и чагат.) и непереходным значением «гореть, воспламеняться» (с ссылкой на телеутский);

Радлов (II, 109) указывает для глагола *қана-* переходные значения «пускать кровь, окровавить; враждовать» и общеизвестное в тюркских языках непереходное значение «истекать кровью». То же соотношение значений дает киргизский язык, где указанный глагол имеет как переходные значения «окровавить; произвести резню», так и непереходные — «кровоточить, истекать кровью». В словаре Махмуда Кашгарского для глагола *қана-* также отмечаются как переходное значение «пускать кровь» [например, *ol atın kanadı* «он пустил своей лошади кровь» (III, 261)], так и непереходное — «кровоточить» [например, *er burnı kanadı* «у человека носом пошла кровь» (II, 323)];

Будагов (I, 723) приводит *тара-* с переходными значениями «разбросать, рассеять, раскидать, разгребать, рассеять, разостлать» и непереходными — «разойтись, рассеяться; издержаться». В киргизском, алтайском и других тюркских языках *тара-* имеет непереходное значение. В татарском же и узбекском языках непереходное значение присуще медиально-страдательной форме *тарал-*; отсюда можно предположить, что в этих языках рассматриваемый глагол исторически имел как непереходное, так и переходное значения.

В глаголах, образованных при помощи аффикса *-и/-ы-* киргизск. *беки-* имеет переходные значения «укреплять; закрывать; утверждать (санкционировать)» и непереходные — «укрепляться, крепнуть; закрываться»;

тувинск. *чылы-* имеет переходное значение «нагреть» и непереходное — «нагреваться». Так же в хакасском;

тувинск. *чыры-*, как и хакасск. *чыры-*⁴, также не имеет лексического разграничения переходности-непереходности, означая как «светить», так и «светиться».

¹ Согласно тогдашней терминологии, В. В. Радлов называет казахский язык киргизским, а киргизский — кара-киргизским, как это допускается нередко и в современных зарубежных работах. В нашей статье при ссылках на словарь Радлова употребляются современные названия этих языков.

² Основа этого глагола — существительное *аяк* «1) нога, нижняя часть ноги; 2) конец, следствие».

³ Глагол *жытта-* образован от существительного *жыт* — «запах».

⁴ Рассматриваемый глагол имеет в хакасском широкий гласный, как и в других тюркских языках (*яры-*).

В глаголах, образованных при помощи других аффиксов:

турецк. *sakin-* обладает как непереходными значениями «беречься, остерегаться, быть осторожным; избегать», так и переходным — «беречь»;

Радлов (I, 24) приводит *air-* с общеизвестным переходным значением «разделять, разъединять»; наряду с этим он отмечает также мало известное в современных языках непереходное значение «разделяться, удаляться» (с ссылкой на телеутск., алтайск., лебед., казахск., киргизск. и другие языки). Непереходное значение рассматриваемого глагола было известно в древних тюркских языках, например: *Алты јашымта каң адырдым билимәдим үч игимә јыта адырдым...* «В шесть моих лет я лишился отца (или: от отца отделился). Я не сознавал (этого). Я, горя, отделился от трех моих старших братьев...»¹. Глагол *айыр-*, *адыр-* является, по-видимому, производным, и его исходный корень следует видеть в якутском *ат-* «разевать, разинуть»; тот же корень отмечен в возвратной форме *adin-* со значением «уменьшаться, убывать» в словаре В. Радлова (I, 490) и в *Manichaica*²;

турецк. *kivir-*³ имеет переходные значения «1) вить, завивать; свертывать, скручивать; 2) погибать, сгибать, подрубать (рубец)», наряду с которыми отмечаются и непереходные значения «извиваться; танцевать».

*

Приведенный список глаголов, далекий от полноты, тем не менее дает представление об историческом состоянии тюркских корневых и производных глаголов с их лексической недифференцированностью на глаголы переходные и непереходные. Мы старались подобрать для иллюстраций лишь такие глаголы с однородными значениями, которые выражают направленность действия как от действующего лица, так и на него, поскольку именно эти случаи наиболее наглядно демонстрируют историческую нейтральность тюркских глаголов по отношению к категории переходности и непереходности. Исходя из этого соображения, мы опустили многочисленные глаголы, которые обладают переходными и непереходными однородными значениями, но действия которых не имеют противоположной направленности (от субъекта действия и на него) и происходят в одном направлении, как, например, в глаголах: *geç* (турецк.) с непереходными значениями «проходить; переходить; миновать» и т. д. с управлением в исходном падеже; наряду с этим тот же глагол может иметь и переходные значения «оставлять позади, обгонять, опережать; превосходить, превышать; форсировать» с управлением в винительном падеже; *çak-* (турецк.) с переходными значениями «1) вколачивать, вбивать; 2) привязывать (животных к столбу); 3) высекать (огонь), спускать (курок)» и с непереходным значением «сверкать» (= «ударить» — о молнии); *iste-* (турецк. и др.) с переходными значениями «1) хотеть, желать; 2) просить, спрашивать; требовать; 3) искать» и с непереходными значениями «быть нужным; нуждаться» (с последними связаны выражения типа *ister* «требуется, нужно», *istemez* «нет нужды, нет надобности, не нужно, не надо» и т. д.). Если присоединить все подобные случаи к приведенным примерам, то наш список значительно увеличится.

¹ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 64.

² См. W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Dritter Brief*, «Ungarische Jahrbücher», Bd. V, Hf. 4, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 396.

³ Не исключено, что рассматриваемый глагол этимологически следует отнести к подражательным, на возможность чего указывают оборот *kivir kivir kiviril-* «витья кольцами, завитками» (ср. аналогичное *bağır bağır bağır-* «кричать, орать во всю глотку») и глагольная форма *kivira- < kivir + a-* «свертываться, закручиваться», которая имеет, таким образом, обычное строение подражательных глаголов, образованных при помощи аффикса *-a-* от вторичных подражательных основ с показателем *-vir-*.

К описываемым здесь фактам относится также сохранившееся до настоящего времени различие активного или пассивного значения причастия лишь по значению определяемого им имени: если имя обозначает человека, то причастие имеет активное, переходное значение; если же имя обозначает неодушевленный предмет или существо, коему не свойственно действие, выраженное причастием, то последнее имеет с современной точки зрения пассивное значение (хотя исторически оно и в этом случае имеет активное значение, поскольку действие, выраженное причастием, реально выполняется не предметом, обозначенным определенным именем, а человеком, не названным в речи). Такое расширенное в сравнении с индоевропейскими языками содержание категорий активности и пассивности в семантике тюркского причастия (в частности, формы на *-an*), отмечавшееся и разъяснявшееся у нас в прошлом веке¹, а в новейшее время отмечавшееся и за рубежом², исторически было свойственно тюркскому глаголу в целом и восходит к эпохе грамматического синкретизма тюркского глагола вообще.

К случаям контекстуального различения активности-пассивности глагольного значения относятся нижеследующие выражения, в состав которых входят глагольно-именные (или, как чаще их называют, причастные) формы. В азербайджанском языке: *Bačanyn o biri bашында дикяр бир отаҷа жүрәжәк гапы* «В другом конце сада дверь в другую комнату» (дословно: «дверь, которая может войти в другую комнату», т. е. «дверь, через которую можно войти в другую комнату»); *алан жүндән* «со дня, в который было взято» (дословно: «со дня, который взял»); *Пыртды алыбан язан китабы...* (Хэтай, 29) «Взяв, она изорвала написанную книгу» (дословно: «Взяв, изорвала написавшую книгу», т. е. «...книгу, которую написали»). В туркменском языке: *алан китабыныз* «книга, которую вы взяли» (дословно: «ваша книга, которая взяла»); *окан китабым* «книга, которую я читал» (дословно: «моя книга, которая читала»)³; *Араба билен товшан тутдурмаз* «Зайца нельзя поймать на телеге» [дословно: «На телеге заяц не даст (себя) поймать»]⁴.

В турецком языке. Особенно много сочетаний причастий переходных глаголов с названиями предмета или места действия приводится в грамматике Бергамалы Кадри (XVI в.), откуда мы берем следующие примеры: *koyacak kab* «сосуд, куда можно положить, или куда кладут» (дословно: «сосуд, который кладет или может положить»); *baglayacak biz* «ткань, которую можно повязать» (дословно: «...которая повязывает»); *tolduracak kise* «кошелек, который нужно (можно) наполнить» (дословно: «кошелек, который наполнит»); *sogan ekecek yir* «земля, на которой сажают лук» (дословно: «...которая сажает лук»); *sarimsak dikecek yir* «земля, на которой сажают чеснок» (дословно: «земля, которая сажает чеснок») и т. п. (Müyesiret-ül-Ülüm, 43). Аналогичные сочетания встречаются и в другом средневековом сочинении, посвященном турецкому языку; ср. в «La „Regola“» Филиппо Ардженти: *varacciäch jer irächtur — doue hauiamo a ire il loco e*

¹ Зависимость активного или пассивного значения причастия на *-an* от контекста отмечали М. А. Казем-Бек (М. А. Казем-Бек, Общая грамматика турецко-тагарского языка, 2-е изд., Казань, 1846), авторы «Грамматики алтайского языка», ч. I, П. М. Мелiorанский («Краткая грамматика казак-киргизского языка», ч. I, СПб., 1894); в советское время — Н. К. Дмитриев (см. его «Очерки по кумыкскому синтаксису», сб. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М. — Л., 1935, стр. 51, 63), Н. А. Баскаков (см. его «Каракалпакский язык», II, М., 1952) и другие.

² См. W. Bang, Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Siebenter Brief, «Ungarische Jahrbücher», Bd. XIV, Hf. 3, 1934, стр. 206.

³ Н. К. Дмитриев, Основные вопросы туркменского синтаксиса, рукопись.

⁴ Б. Чарыяров, Категория залога в современном туркменском языке. Автореф. канд. диссерт., Ашхабад, 1955.

lontano «место, куда необходимо идти, далеко» [дословно: «...которое должно пойти (которое пойдет)...»] (La «Regola», 25). Пассивное значение причастия на *-(й)аджак* в сочетаниях с названиями предмета действия отмечается также в современных грамматических работах по турецкому языку. Так, например, проф. Бесим Аталай верно разъясняет пассивное значение некоторых глагольных имен типа *alacak* «деньги и т. п., которые следует получить от кого-либо», *yakacak* «предмет, пригодный для сжигания (с целью обогрева)», *yatacak* «предмет, пригодный для того, чтобы спать на нем»¹. Сюда же относятся выражения *yücesek şey* «съедобное» (дословно: «то, что может есть», т. е. «то, что можно есть»); *yaracak iş* «дело, которое надо сделать» (дословно: «дело, которое сделает») и т. п.

Употребление причастий переходных глаголов в пассивном значении наблюдается и в других тюркских языках, см. казахск. *айтқаным айтқан* «Я сказал все» (дословно: «то, что я сказал, сказало», т. е. «то, что я сказал, сказано»); алтайск. *азраган бала* «питомец» (дословно: «вскормившее дитя», т. е. «вскормленное дитя») («Гр. алт. яз.», 141).

Можно привести также ряд примеров из старых и древних тюркских языков: *ayızğa qojar daru* «лекарство, которое кладут (дословно: «...которое кладет») в рот» (Ал-Замахшари, 100); *...anda tapgaysis togirgan oglan cıpräkä çulganmız* «...там вы найдете новорожденного (дословно: «родившего») ребенка, завернутого в тряпки» (R., CC, 82); *bu kälägäk yir dur* (Al-Qawanin, 299) «это — место, куда надо прийти» или «это — место, куда приходят»; *Any gidärmäk ot durur kim baş barmaçyny orta barmaçy üzrâ bärk qojçaj, jaj çäkär vagtda...* «Устранение этого (недостатка) заключается в том, что большой палец крепко прижимают к среднему, когда натягивают лук...» (Trakt. o łucz., 170) и т. п.

*

Как показывают приведенные примеры, уточнение пассивности глагольного значения причастия достигается в составе словосочетания: если определяемое р е а л ь н о не может быть действующим предметом, то в причастии реализуется пассивное значение. Однако этот способ, отчасти сохранившийся и в некоторых из современных языков, оказался пригодным лишь при выражении причастием действия, направленного от действующего лица или на действующее лицо. Уточнение же переходности и непереходности глаголов (в частности медиальности) было достигнуто двумя путями: семантическим и морфологическим. В первом случае в глаголе без внешнего его формального изменения закрепилось либо переходное, либо непереходное значение. Во втором случае для закрепления одного из этих значений были использованы показатели, которые впоследствии стали залоговыми. Наиболее продуктивными в этом отношении оказались показатели *-н-* и *-т-*. Морфологическим путем произошла дифференциация на непереходные и переходные, например, в нижеследующих глаголах²:

алдан- «обманываться, ошибаться; быть обманутым, введенным в заблуждение» и *алдат-* «обманывать, вводить в заблуждение». Первообразный глагол *алда-* (от *ал* «хитрость»), там, где он сохранился, закрепился в переходном значении (см. Dizin, 18; Houtsma, 53; Ettuhfet., 139, а также в некоторых живых языках);

баян- «остановиться, держаться, сопротивляться; упираться, опираться, прислоняться, облакачиваться; стоять, удержаться, переносить» и

¹ B e s i m A t a l a y, Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme, İstanbul, 1942, стр. 20.

² Для краткости при глаголах приводятся азербайджанские значения. В тех случаях, когда в азербайджанском исследуемый глагол отсутствует, при глаголе указывается язык, из которого приводятся значения.

турецк. *dayat-* (в азербайджанском ему соответствует *даяндыр-*) «подписать, прислонять» и др. значения. Исходными и основными во всех тюркских языках являются значения «опираться» и «подписать». Первообразный глагол *тая-* сохранился в казахском и киргизском языках в переходном значении;

исин- «1) согреться, греться; 2) привыкать, свыкаться, привязаться» и *исит-* «1) греть, нагревать, подогревать; 2) болеть, заболеть малярией». Основными значениями в этих глаголах являются «греться» и «нагревать». Первообразный глагол *исы-* сохранился в казахском, киргизском, узбекском (*иси-*), хакасском (*изи-*) и в некоторых других языках (см., например, Dizin, 236) в непереходном значении;

оян- «просыпаться, пробуждаться» и *оят-* «будить». Параллельная к *оят-* форма *ояндыр-* означает «будить» (через кого-нибудь или посредством чего-нибудь). Формы *оян-* (или *уян-*)¹ и *оят-* (или *уят-*) известны в ряде языков (казахском, туркменском и др.), причем в некоторых из них (например, в туркменском; см. также Houtsma, 57) переходная форма образовалась при помощи показателя *-р-* — *ояр-* ~ *уяр-*. В других языках непереходная и переходная формы рассматриваемого глагола образовались соответственно при помощи архаических аффиксов *-чан-* и *-чат-*; такой способ образования наблюдается, например, в староузбекском (Радлов, I, 971), старотуркском (*ойчат-* — см. Малов, 404), киргизском (*ойгон-*, *ойгот-*), хакасском *ускан-* (Р., I, 1747) и *усхун-* ~ *усхур-* (с показателем понудительности *-р-*) и др. Первообразный глагол в тюркских языках не сохранился, однако в некоторых языках остались имена, восходящие к древним глагольно-именным омонимическим основам, как, например, туркм. *оя* «неспящий; бодрствующий», киргизск. *ойгоо* «бодрствующий» и более новое по образованию казахск. *ояу* «явь; наяву». На основании этих данных мы вправе восстановить давно исчезнувший в тюркских языках глагол **оя-/ *уя-* как с непереходным, так и переходным значением, о последнем из которых можно судить по формам *оян-/ уян- ~ odun- ~ ойчан-* и т. п., а также по значению «быть разбуженным» в Turf. VIII;

ойрэн- «1) учиться, изучать, приобретать знания, навык, выучиться; 2) узнавать, разуживать; 3) привыкать, приучаться, изучать, учить что, выучить что, разуживать, научиться» и *ойрэт-*² «1) учить, научить, обучать, направлять; 2) подучить, подговаривать, подбивать, подстрекать; 3) приучать». В современных тюркских языках основными значениями для первого глагола являются «учиться, изучать» и для второго — «учить, научить». Понудительно-возвратная форма *ögrätin-* в Turf. VIII (94) имеет переходное значение «учить, упражняться» (для себя, поскольку *-н-* здесь не имеет медиального или страдательного значения). Первообразный глагол **ойрэ-* в тюркских языках не сохранился;

тәрпән- «двигаться, колебаться, колыхаться, шевелиться, трястись, метаться» и *тәрпәт-* «двигать, шевелить, распатать, заколевать, двинуть». Более правильными формами этих глаголов являются *тебрән-* и *тебрет-*. Первообразный глагол *тебре-* известен в древнетюркских языках (Малов, 428, со ссылкой на «Сутру „Золотого блеска“» и перевод Евангелия), а также в некоторых современных языках [турецк., хакасск. (*tübire-*)] с непереходными значениями «1) двигаться; колебаться; шевелиться; 2) трястись; метаться; возиться». Однако в большинстве языков больше

¹ Современному *оян-* соответствует древнетюркское *odun-* с тем же значением (Малов, 403; Turf. VIII, 94).

² Азербайджанские формы являются общими и для остальных языков, в которых начальный *ө* иногда замещается гласным *у*, а сонорный *й* более древним *г*. Известна также ипотированная форма рассматриваемого глагола, приводимая у Houtsma (109).

известны наращенные формы этого глагола — *тебрен-*(или *тербел-*, как в казахском) и *тебрет-* в тех же значениях, что и в азербайджанском; *төрән-* «создаваться, происходить, размножаться, плодиться, случаться, появляться на свет» и *төрәт-* «производить, делать, создавать, устраивать, образовывать». Первообразный глагол *төрә-*, уже рассматривавшийся выше, сохранился в азербайджанском языке (*төрә-*) с непереходным значением «создаваться» и т. п. и в хакасском (*törri*¹) со значением «рождаться». Глагол *төрә-* известен и в киргизском языке с переходным значением «родить», благодаря которому становится ясной первоначальная индифференентность глагола *төрә- ~ töri-* в отношении переходности-непереходности;

тукән- «беднеть, иссякать, истощаться, исчерпаться» и *тукәт-* // *тукәндир-* «исчерпать, истощать». Таково же, в основном, соотношение в турецком, узбекском (*туган-* и *тугат-*), киргизском (*тугон-* и *тугот-*), хакасском (*tügän-* // *tügäl-* и *tügät-*) и в некоторых других языках. Первообразный глагол *тукә-* ~ *туге-* отмечается в древних языках (Малов, 435; Turf. VIII, 100) и известен в некоторых современных, например, в узбекском языке (*туга-*) в непереходном значении «1) кончаться, заканчиваться; 2) иссякать, исчерпываться». Однако в казахском сохранилась взаимно-совместная форма этого глагола — *тугес-* с переходным значением «израсходовать, издержать, исчерпать», что позволяет восстановить первоначальную лексико-семантическую недифференцированность *тукә-/туге-* в отношении переходности-непереходности;

уйун- // *уйудул-* «бить смолотым» и *уйут-* «молоть (на мельнице), измолоть, замолоть». Первообразный глагол *ук-* сохранился в казахском, киргизском и некоторых других тюркских языках с переходным значением «растереть; размолоть; размельчить», что поддерживается также страдательным значением азерб. *уйун-*. Наоборот, в киргизском *уйур-* «вращать», образованном при помощи показателя понудительного залога от того же глагола *ук-*, можно восстановить непереходное значение глагола *ук-*;

яран- «быть создаваемым, создаваться» и *ярат-* «создавать, творить». Переходная форма *ярат-* с теми же и некоторыми дополнительными значениями известна в большинстве тюркских языков. Непереходная форма *яран-* известна в немногих языках и в них имеет значения «стараться, быть пригодным, полезным; стараться, угождать кому-либо», что представляет собой закономерную для возвратной формы модификацию значений первообразного общетюркского глагола *яра- ~ жара- ~ чара-* и т. д. «годиться, быть годным, подходить; быть полезным». Таким образом, азербайджанский язык в форме *яран-* сохранил одно из древних значений глагола *яра-* «творить, создавать», утраченное глаголом *яра-* в других тюркских языках (как и в азербайджанском), но закрепившееся в его производной форме *ярат-*. На основании этих сопоставлений мы вправе рассматривать глагол *яра-* как исторически нейтральный в отношении категории переходности-непереходности;

П. М. Мелиоранский (Ар.-фил., 049) приводит *умзатмақ* «жмурить, закрывать глаза» и *умгенди* «давал знак глазом», снабжая последнее указанием: «очевидно то же, что предыдущее». Таким образом, как возвратная, так и понудительная форма — обе имеют переходное значение, для объяснения чего естественно допустить для первообразного глагола *умзә-* // *умге-* значения переходности и непереходности;

Turf. VIII *ämgän-* «страдать, мучиться» и *ämgät-* «мучить» (89). Перво-

¹ В хакасском исследуемый глагол имеет на конце узкий, а не широкий гласный, что позволяет рассматривать формы *төрә-* и *törri-* как производные от *tör (= *tөл «за-родыш»?).

образный глагол встречается в древних и новых тюркских языках (см. Малов *ämgä*, 364 — с ссылками на «Кутадгу-билиги», Рабгузи и словарь Радлова) в непереходном значении «мучиться, испытывать бедствия»; *жиэлэн*- «прятаться, скрываться» и *жиэлт*- «скрывать, прятать, утаивать». Первообразный глагол не сохранился в азербайджанском языке, но он имеется в туркменском, турецком, башкирском (Будагов, II, 176) и в некоторых других языках в переходном значении «скрывать, прятать, утаивать». Приведенные азербайджанские производные формы свидетельствуют о сосуществовании переходного и непереходного значений в первообразном глаголе.

Дифференциация значений переходности и непереходности при помощи залоговых показателей *-л-* и *-т-*:

даыл- «рассеяться, расходиться; разрушаться, разваливаться, разоряться, изнашиваться; рассыпаться» и *дайт*- «1) разгонять; 2) разбрасывать, рассеивать; 3) разорять, разгромить, разрушать, 4) рассыпать; 5) изнашивать». Таково же соотношение и в других тюркских языках. Исходный для приведенных залоговых форм глагол *даы-* приводится у Ибн-Муханны (Battal, 67) в виде *tağı-* с переходным значением «разгонять; рассеивать» и т. д.¹;

узбекск. *тарал*- «распространяться, расходиться» и *тарат*- «1) распространять, раздавать; 2) распускать, рассеивать, разгонять, заставлять разойтись». Таково же соотношение в киргизском, хакасском, татарском, казахском; те же значения для данных залоговых форм приводит Махмуд Кашгарский. Первообразный глагол *тара-* сохранился в перечисленных языках (кроме татарского) в непереходных значениях «1) расходиться, разбредаться; 2) распространяться».

К случаям дифференциации значений переходности-непереходности при помощи залоговых показателей относятся также следующие пары глаголов: *узан-* и *узат-*, *юбан-* и *юбат-*, *сын-* и *сыт-*, *яшын-* и *яшыр-*, *дийирлэн-* и *дийирлэт-*, *ислан-* и *ислат-*, *гуртул-* и *гуртар-*, киргизск. *жубан-* и *жубат-*, крым.-татарск. *токътал-* и *токътат-*, турецк. *ufan-* и *ufat-* и мн. др., на которых мы не можем останавливаться за недостатком места.

Приведенные выше факты, иллюстрирующие историческое положение глагольной категории переходности-непереходности в тюркских языках, не дают (да и не могут дать) непосредственной и тем более детальной картины древнейшего состояния тюркского глагола в рассматриваемом плане. Многое здесь остается пока неясным и не поддается реконструкции. Неясным остается, в частности, важнейший вопрос о границах древнейшей недифференцированности глагола по признаку переходности-непереходности: распространялась ли она на глагол в целом или лишь на определенные разряды глагольных корней-основ. Остается открытым и другой существенный вопрос о переходном этапе тюркского глагола от древнейшей недифференцированности к современному разделению глаголов на переходные и непереходные. Было бы важно также выяснить, чем поддерживаются в современных языках случаи слитного состояния переходных и непереходных значений в одном глаголе.

Как эти, так и другие вопросы требуют изыскания новых материалов и постановки специальных исследований.

Изложенное выше могло бы рассматриваться в качестве одной из первых попыток в данной области.

¹ Между прочим к глаголу *тагы-* ~ *дагы-* восходит второй компонент известного в ряде тюркских языков парного слова *дармадагын* «вдребезги, в пух и в прах». Первый элемент — *дарма* восходит к глаголу *дар* ~ *тар* в общем с тем же значением, что и глагол *таğı-*.